

ПСИХИКА И ЖИЗНЬ

Философские воззрения на природу душевной деятельности

Внутренний мир человека, называемый в философии душой или духом, в физиологии сознанием или вообще психической сферой, представляет собой одно из тех явлений, которые всегда привлекали к себе пытливого ум человека. Этим именно и следует объяснить то обстоятельство, что уже со времен глубокой древности и до позднейшего времени создавались различные воззрения на природу души и на отношения ее к телу — воззрения, в основе своей опирающиеся почти исключительно на умозрительный метод.

Все эти воззрения сводятся к двум главным, из которых одно может быть названо дуалистическим, или дуализмом, другое же — монистическим, или монизмом.

Первое предполагает реальное существование двух неделимых и соподчиненных друг другу сущностей (субстанций), представляющих собой дух и материю. Второе воззрение предполагает существование: лишь одной сущности, причем эта сущность является или духом, или материей, или же духом и материей одновременно. В последнем случае дух и материя представляются слитными, неразрывно связанными друг с другом, образуя одну нераздельную сущность.

Согласно только что указанным различиям в воззрениях на основную сущность души и тела или материи монистическое учение разбивается на три отдельных мировоззрения, из которых одно является монистическим спиритуализмом, или спиритуализмом в тесном смысле,

второе — материалистическим воззрением, или материализмом, третье же представляет собой монистическое воззрение, или монизм в собственном смысле слова.

Дуалистическое воззрение, известное под названием дуалистического спиритуализма, рассматривает дух и материю как две сущности, которые по природе своей противоположны друг другу: тело имеет протяженность, но бесчувственно; душа, напротив того, непротяженна и представляет собой чувствующую сущность; тело подчинено механическим законам, душа же психологическим законам. Обе эти сущности, не имея между собой ничего общего, связаны лишь внешним образом, но при этом тело является подчиненным душе, обладающей волей, которая властвует над телом как нечто высшее, самостоятельное и само себя определяющее.

Первым создателем этого учения является Платон, который одновременно с тем должен считаться и первым учителем, освободившимся от древних материалистических воззрений и признавшим впервые душу за невещественное начало, управляющее телом.

Из позднейших более видных представителей того же воззрения, без сомнения, заслуживает особого внимания Декарт, развивший это учение в XVII столетии до степени строго выработанной философской системы.

Последняя затем получила дальнейшее развитие благодаря последователям Декарта, а впоследствии также и благодаря школе Вольфа, которой это учение особенно обязано своим широким распространением среди образованной публики.

Спиритуалистическое воззрение, составляющее одну из разновидностей монизма, как мы видели, признает существование только одной известной нам сущности, составляющей душу или дух. Материя же и тело суть явления, воспринимаемые нами лишь как особые состояния нашего сознания или духа. Следовательно, материя

по этому взгляду является только созданием мысли или духа; как бы иллюзией в наших собственных глазах.

Рассматриваемое воззрение опирается главным образом на непосредственность нашего восприятия, т.е. на непосредственное познание тех явлений, которые мы находим в нас самих и которые по взгляду спиритуалистов только и могут быть принимаемы за достоверное. Некоторые из представителей этого воззрения, как Лейбниц, Гербарт и последователи Канта, Фихте и Гегель старались, между прочим, развить понятие о сущности или субстанции, доказывая этим путем, с одной стороны, реальность духовного мира вне нас, с другой — полную самостоятельность внутреннего мира каждого индивида. По этим воззрениям мир должен был состоять из определенного числа простых неделимых сущностей, которые были названы монадами. В числе множества монад или простых сущностей, составляющих внешний мир, и душа образует собой отдельную монаду.

Наиболее видным представителем спиритуалистического воззрения этого вида был Лейбниц, по учению которого душа, как монада, представляется несравненно выше других подчиненных ей монад тела.

Что касается отношения души к телу, то из спиритуалистов более всех занимался этим вопросом Гербарт. Последний так же, как и Лейбниц, допускал, что душа между другими простыми сущностями занимает главное место. При этом все явления внешнего мира он объяснял взаимодействием простых сущностей, из которых каждая стремится к самосохранению, но способна в то же время влиять на другие сущности. Таким образом, и душа, по его взгляду, стремится к самосохранению, но другие монады влияют на нее, результатом чего и возникают представления. Из отношений же между последними Гербарт выводил все явления нашего внутреннего мира.

Так как душа по этому взгляду представляется неделимой сущностью, то нетрудно представить себе, почему

под влиянием этого учения возникла мысль, что душа должна помещаться в какой-либо одной точке мозга, собирающей в себя отовсюду мозговые волокна, при посредстве которых она и получает возбуждения с периферии тела. За такую точку странным образом признавалась одно время, согласно учению Картезия, шишковидная железа (gl. pinealis), а в другое время — мозговой придаток, или мокротная железа (gl. pituitaria).

Так как, однако, этот взгляд оказался в полном противоречии с позднейшими анатомическими и физиологическими данными, то затем был выработан не менее странный взгляд, по которому душа, смотря по надобности, переходит с одного места в другое и, таким образом, участвует в различных процессах, совершающихся в той или другой части мозга.

Кант признавал некоторые понятия как данные нам, составляющие неотъемлемую принадлежность нашего ума или трансцендентальными, и из соединения этих понятий выводил другие отвлеченные понятия.

Хотя сам Кант и не может считаться представителем спиритуализма в строгом смысле слова, тем не менее некоторые из его учеников, как Фихте, выводивший «не я», или объект мысли, из природы «я», или субъекта, и Гегель, отождествлявший мышление и бытие, суть чистые спиритуалисты. Под влиянием этих именно философов спиритуалистическое учение достигло своего апогея, развившись до той степени, когда умозрение не только перестало черпать свой материал из данных наблюдения и опыта, но и все факты, почерпнутые из наблюдения или опыта, стали считаться совершенно ненужным балластом, который только вредит умозрению и, следовательно, затрудняет правильное понимание вещей.

Очень метко характеризует этих представителей философии, между прочим, профессор Циген: «Это философы, которые еще в настоящее время фантазируют об абсолюте и посредством логических фокусов выводят

из своего абсолюта весь мир и еще кое-что. Это достойные наследники Гегеля, который из своих спекуляций вывел, что звезды не небесные тела, а абстрактные световые точки: “световая высыпь”, что ленточные глисты — это “ослабления организма, из которых часть отделяется для самостоятельной жизни”, что кровяные шарики только выдуманы физиологами, что чувствительность это “только внутренняя дрожь жизненности”, что воспроизведение есть “негативность, как простой момент чувствительности” и т.д. И с этим направлением естественно-научная полемика совершенно излишня: оно должно исчезнуть вместе с распространением естественно-научных знаний. Их несправедливо и теперь в истории философии время от времени приводит в связь с Кантом. Они с ним не имеют ничего общего. Это великолепно представлено на одной старой брошюре: Кант умер и возносится на воздушном шаре на небо, Гегель et consortes* смотрят на поднимающийся шар и простирают умоляюще свои руки. Но Кант не бросает им ничего, кроме своего парика, палки и т.д., больше они в самом деле не восприняли из учения Канта»**.

Здесь необходимо еще упомянуть об особом ответвлении спиритуализма, которое может быть названо идеализмом. Как и чистый спиритуализм, идеалистическое учение в основу кладет факт, что нам даны лишь психические процессы, т.е. ощущения и, как дальнейшее их производное, представление. Дальше этого в представлении внешнего мира мы идти по этому учению не можем. Если Кант и признал «вещи в себе», которые будто бы лежат в основе с феноменов или явлений, то он в этом отношении согрешил против логики, приняв за причины явлений нечто такое, что лежит вне их, так как нельзя из

* И компаньоны (*лат.*).

** Ziehen Т. Н. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

чисто психического составить нечто совершенно от него отличное, т.е. материальное. Таким образом, это учение требует, чтобы мы «оставались» всегда только в круге одного психического, вследствие чего философию этого рода называли также имманентной. Между прочим, это учение отвергает и местоположение наших ощущений в мозгу, что известно в философии под названием гипотезы интроспекции. По этому учению наши ощущения и представления лишь зависят от известных частей мозга в отношении своих свойств, но они ничуть не имеют там пространственного местоположения; нет надобности признавать, что ощущение возникает в мозговой коре, откуда оно вновь должно быть перемещено в пространство, т.е. вне нас. Достаточно признать, что ощущение всегда лежит вне нас в том месте, где мы находим видимые, слышимые и осязаемые предметы. Мы живем, следовательно, в сфере ощущений лишь зависимых от мозга, но лежащих вне нас; таким образом, необходимо признавать реальность тех самых ощущений, которые новейшая философия подвергает анализу. Зависимость же от мозга можно обозначить как обратное действие мозговой коры на сферу ощущений. «Это обратное действие, по Цигену, следует определенным законам, которые так же безусловны, как и законы природы». «От законов природы они отличаются тем, что не протекают с уловимой скоростью во времени и пространстве».

«Идеалистическая теория, — говорит в другом месте Циген*, — не принимает без оговорок противоположности между материальным и психическим... но ставит предварительно критический вопрос: действительно ли оба ряда, материальный и психический, даны изначала и один рядом с другим? На это она отвечает отрицательно и во всяком случае с полным правом». «Обыденное воз-

* Ziehen Т. Н. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

зрение, которое, в сущности говоря, под деревом, огнем и т.д. всегда понимает то, что оно видит и чувствует, т.е. свои ощущения, в гораздо высшей степени право, чем это желает признать метафизика»*. Основателем и видным представителем этого учения должно признавать английского философа Беркли, новейшим же представителем этого учения является Шуппе и, между прочим, также врач-психиатр Циген.

Рядом со спиритуалистическим воззрением развивалось совершенно противоположное ему материалистическое воззрение, согласно которому духа, или души, нет, в мире же существует только материя или вещество.

Материалистическое воззрение является одним из старых философских воззрений. По учению древних философов (Анаксимен, Анаксагор, Диоген Алоллонийский, Гераклит и др.) под душой понимали нечто в виде тонкой материи, содержащееся в груди и проникающее в легкие вместе с воздухом при рождении. Согретый воздух, содержащийся в груди (так называемая пневма), является по этому учению не только основой жизни, но и основой души. Самонахождение души одни признавали то в легких, то в сердце (Аристотель), то в полостях мозга (Гераклит, позднее Гален), то в поверхностных его слоях (Эразистрат и др.) Но не следует забывать, что между материализмом древних и позднейшими материалистическими учениями существует немаловажное различие. В то время как древние под названием духа понимали особую тонкую материю, которую отличали от более грубой материи или вещества, лишь количественным образом и которая по их понятиям была соединена с последним чисто внешним образом, позднейший материализм опирается главнейшим образом на существование тесной связи между телесной и духовной сферами организма,

* Ziehen T. H. Отношение мозга к душевной деятельности. СПб., 1902.

причем последняя будто бы вполне обязана первой своим происхождением.

Представители этого взгляда смотрят на душу как на одно из проявлений организованной материи или же как на непосредственный продукт мозговой деятельности. По природе своей душа является, по этому взгляду, результатом молекулярного движения частиц /материи подобно тому, как, например, звук является результатом колебания струны.

В XVII в. материализм нашел одного из видных своих представителей в лице Гоббса, который признавал за реальное в мире только искусственные и естественные тела. В следующем, XVIII столетии материализм, как известно, нашел своих представителей в лице Ла-Меттри*, Гельвеция и Гольбаха; наконец в XIX в. с новейшими успехами физиологии материализм снова нашел видных представителей, особенно в Германии, в лице Бюхнера, Молешотта, Фохта и др., а также и в прочих цивилизованных странах.

Следует иметь в виду, что для некоторых материалистов психическое, являясь производным физического, ничего к последнему не прибавляет, так как вся закономерность явлений обуславливается лишь физическими законами, тогда как психические явления лишь сопутствуют физическим, не прибавляя к ним ничего нового и, ничего не изменяя. Психическое по этому воззрению является не чем иным, как простым эпифеноменом физического.

По Ж. Сури, например, «Декарт в общем был прав, говоря, что все живые существа суть лишь автоматы. Его ошибка состояла в том, что он извлек человека из бесчисленной толпы его низших собратьев. Бессознательные и сознательнее психические процессы всегда представляются процессами автоматическими. Сознание, когда

* De la Mettrie J.F. Histoire de l'ame. 1745. См. также его сочинение: «L'homme machine».

оно существует, к этим процессам прибавляет ничуть не более, как тень к телу».

Наконец, монизм в собственном смысле, как мы видели, признает реальное существование как духа, так и материи; но и то и другое ничуть не являются противоположностями друг другу, как в дуалистическом воззрении, а, напротив того, оказываются слитными между собой. С признанием единства и материи и духа вся природа является одухотворенной, в силу чего воззрение это называлось иногда пантеистическим.

Лучшим выразителем этого воззрения в XVII в. является Спиноза, проповедовавший единство сущностей, или субстанций. В XVIII в. это воззрение выразилось в учениях английских и французских деистов, обоготворявших природу, а в XIX в. оно снова проявилось в учениях некоторых философов Кантовой школы, как Шеллинга с его «субъектом — объектом», Шопенгауэра, Гартмана и других.

Из естествоиспытателей особенно видным представителем монизма в тесном смысле необходимо назвать Геккеля с его «клеточными душами». По Геккелю, существуют только атомы, обладающие протяженностью и памятью, следовательно, содержат в себе одновременно элементы физического и психического.

Отражение этих взглядов мы встречаем также у многих других авторов и, между прочим, у Ж. Сури*. «Вопрос о происхождении и природе психических явлений по взгляду этого автора может быть сведен в сущности к происхождению и природе жизни». Он видит большую заслугу монистической философии в том, что она подавила традиционное противоположение тела и души, материи и духа и рассматривает их как два вида одного и того же факта, как субъективное и объективное проявление одного и того же процесса, как формы одного

* Soury J. Le systeme nerveux central etc. Paris. 1899. P. 1763.

и того же вещества, которые нам кажутся другими только потому, что мы их познаем различно.

«Чтобы объяснить происхождение жизни и ее психических особенностей, должно распространить на последние элементы материи, рассмотренной как вещество, как единое и общее бытие, высшие особенности, которые обнаруживают существа, составленные из тех же самых элементов. Если агрегат обладает чувствительностью, это значит, что чувствительность была в потенциальном состоянии в частях, которые его составляют. Можно, таким образом, допустить, что вся материя, по крайней мере в потенциальном состоянии, способна чувствовать и что при известных условиях эта скрытая чувствительность переходит в действие». «Это темное стремление чувствовать и двигаться по некоторому бессознательному выбору обнаруживается в атомах, в молекулах и в особенности в пластидах протоплазмы».

«Таким образом, кроме качеств механических, физических и химических, последние части материи обладают также качествами биологическими, т.е. способностью чувствовать, воспринимать и двигаться».

Надо заметить, что все вышепоименованные воззрения, хотя и до сих пор еще находят своих представителей среди школы чистых философов, тем не менее под влиянием строгой критики постепенно отходят в область истории, так как каждое из них наталкивается на те или другие непреодолимые препятствия.

Так, воззрение, известное под названием дуализма, или дуалистического спиритуализма, встречает главные затруднения в объяснении взаимодействия души и тела, очевидно, что, признав противоположность духа и материи по их природе, невозможно допустить между ними взаимодействия. Поэтому-то спиритуалисты дуалистического направления создавали по этому поводу самые странные гипотезы. Так, например, последователи Декарта должны были прийти к парадоксальному

выводу, что каждый акт взаимодействия души и тела совершается с помощью вмешательств сверхъестественных сил или Бога (оказионалисты). С другой стороны, на помощь дуализму явилась не менее странная гипотеза Лейбница о предустановленной гармонии, которая как бы предопределяет параллельный ход физических и психических процессов в нас самих.

Что касается монистического спиритуализма или идеализма, то, не говоря о многочисленных затруднениях, которые встречаются при неизбежном, как мы видели, допущении перемещаемости души, выставлялись веские возражения против положения, что душа представляет собой простую сущность.

С другой стороны, спиритуалистическое воззрение, признающее только существование в природе одного духовного начала и отрицающее существование вещества, — воззрение, согласно которому все наши представления о вещественном мире суть только иллюзии, результат обманов чувств, стоит вообще в таком противоречии с данными наблюдения и опыта, что оно всегда казалось ошибочным огромному большинству лиц, не имеющих большой склонности к философствованию.

В самом деле, из того, что внешний мир мы воспринимаем посредственно, конечно, нельзя выводить идею об отрицании внешнего мира и допустимо лишь мыслить, что мы не воспринимаем явлений внешнего мира так, как они есть на самом деле.

Что касается имманентного идеализма, то, держась точки зрения, что ощущения лежат вне нас и только зависят от мозга, он оставляет без ответа вопрос, как и чем устанавливается эта зависимость ощущений от мозга. Последнюю ведь нельзя представить без того, чтобы внешние объекты как-либо, т.е. прямо или косвенно, не воздействовали на мозг, а если дело сводится к воздействию на мозг внешних объектов, то это воздействие и есть тот или другой вид интроекции. Наконец, если